

БРЭМ СТОКЕР

ДРАКУЛА

Брэм Стокер

Дракула

<https://litres.ru/73828626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

Классический роман Брэма Стокера «Дракула» в новом, современном переводе, который сохраняет мрачную готическую атмосферу оригинала, но говорит с читателем на живом, актуальном русском языке. Мы бережно отнеслись к викторианскому стилю и дневниковой форме повествования, при этом осовременили архаичную лексику и синтаксис, сделали диалоги и внутренние монологи героев естественными и напряжёнными. Трансильванский ужас, лондонский туман, пульс тревоги и чистая любовь — всё это зазвучало по-новому, без потери ни одной капли крови. Этот перевод для тех, кто хочет по-настоящему услышать Джонатана, Мину, Ван Хельсинга и самого Графа — так, как если бы они жили рядом с нами.

Содержание

Глава	4
ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дракула

Глава

От редактора

Брэм Стокер родился в 1847 году в Дублине, в семье протестантского чиновника. Болезненный ребёнок, он долго не мог ходить, но сумел перерасти свой недуг и стал спортсменом и отличником в Тринити-колледже. Позже работал журналистом, а затем — личным менеджером великого актёра Генри Ирвинга. Эта дружба с гениальным и властным человеком, как полагают, отчасти вдохновила его на создание самого знаменитого образа в литературе ужасов.

Идея романа пришла к Стокеру в 1890 году, во время летнего отдыха в йоркширском городке Уитби. Там стояла старая церковь Святой Марии, лежало кладбище с романтически-мрачными надгробиями, а в библиотеке попалась книга о валашском воеводе Владе Цепеше, прозванном Дракулой. Стокер семь лет собирал материалы, изучал фольклор и создавал свой миф. Когда «Дракула» вышел в 1897 году, критики встретили его прохладно — роман показался им старомодным и слишком длинным. Но публика думала иначе. Книга разошлась мгновенно, и с тех пор её сюжет пересказывался сотни раз, а образ графа-вампира прочно вошёл в мировую культуру.

Настоящее издание представляет собой новый перевод, а также современную литературную редактуру. Мы адаптировали речь персонажей — она стала живой, индивидуальной, с паузами, обрывами и разговорными интонациями. При этом мы сохранили исторический колорит и особенности эпохи: викторианский Лондон, трансильванские горы, паровые катера и фонографы. Никаких современных сленговых вкраплений; мы лишь постарались, чтобы текст зазвучал так, как если бы он был написан на русском языке талантливым автором конца XIX века и затем бережно отредактирован для сегодняшнего читателя. Главная наша задача — чтобы вы, открыв эту книгу, поверили: всё происходящее происходит здесь и сейчас, на родном языке, без холодка «иностранности». Путешествие в замок Дракулы начинается.

МОЕМУ ДОРОГОМУ ДРУГУ ХОММИ-БЕГУ

Порядок этих бумаг прояснится по ходу чтения. Все лишние подробности опущены, так что история, в которую в наши дни почти невозможно поверить, предстанет как неприкрашенная правда. Здесь нет ни одного утверждения о прошлом, где память могла бы ошибиться, — ибо все отобранные записи строго соответствуют времени событий и даны с точки зрения и в пределах знания тех, кто их вёл.

ГЛАВА I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Записан стенографически)

3 мая. Бистриц. — Уехал из Мюнхена первого мая в 8:35 вечера, наутро прибыл в Вену — должен был в 6:46, но поезд опоздал на час. Будапешт, насколько я разглядел из окна и за короткую прогулку по улицам, место удивительное. Далеко от вокзала я не отходил: мы пришли с опозданием, а отправляться должны были почти по расписанию. Чувствовалось, что мы покидаем Запад и въезжаем на Восток. Самый западный из великолепных мостов через Дунай — здесь река благородной ширины и глубины — перенёс нас в край, где ещё живы предания турецкого владычества.

Тронулись почти без задержки, затемно добрались до Клаузенбурга. Здесь я заночевал в гостинице «Рояль». На ужин — вернее, уже на ночную трапезу — подали курицу с красным перцем. Очень вкусно, но после неё мучит жажда. (На память: выведать у Мины рецепт.) Официант сказал, это «паприкаш хендл» — национальное блюдо, его готовят по всему течению Карпат. Моих жалких познаний в немецком здесь хватило; без них я бы и вовсе пропал.

Пока в Лондоне было свободное время, я заглянул в Британский музей и изучил в библиотеке книги и карты, касающиеся Трансильвании. Подумал, что хоть какое-то представ-

ление об этой стране не помешает при общении с тамошним дворянином. Выяснил, что край, названный графом, находится на самой восточной оконечности Трансильвании, на стыке трёх государств — собственно Трансильвании, Молдавии и Буковины, в сердце Карпатских гор. Это одна из самых диких и малоизученных областей Европы. Ни на одной карте, ни в одной книге я не нашёл точного расположения замка Дракулы — здешних карт, сравнимых с нашей военно-топографической съёмкой, пока не существует. Зато я выяснил, что Бистриц, почтовый город, названный графом, — место довольно известное. Внесу сюда кое-какие заметки: они освежат память, когда буду рассказывать Мине о своих странствиях.

Население Трансильвании делится на четыре разных народа: на юге — саксонцы, вперемешку с валахами (потомками даков), на западе — мадьяры, на востоке и севере — секеи. Я отправляюсь как раз в земли последних — они считают себя потомками Атиллы и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда в одиннадцатом веке мадьяры завоевали эту страну, гунны уже обитали здесь. Я читал, что все известные на свете суеверия собрались в подкове Карпат, словно в воронке какого-то необоримого воображения. Если это так, поездка обещает быть очень занимательной. (На память: непременно расспросить обо всём графа.)

Спал я плохо, хотя постель была удобной, — меня одолевали какие-то странные сны. Под окном всю ночь выла со-

бака, возможно, в этом и дело. А может, виной всему паприка: я выпил весь графин воды, а жажда не прошла. Под утро я забылся сном, но меня разбудил непрерывный стук в дверь — значит, к тому времени я спал довольно крепко. На завтрак мне подали опять паприку и нечто вроде каши из кукурузной муки — они называли это «мамалыга», а также фаршированные баклажаны, отменное блюдо «имплетата». (На память: и его рецепт тоже.) Завтрак пришлось проглотить наспех — поезд отправлялся около восьми, точнее, должен был отправляться. Потому что, примчавшись на вокзал в полвосьмого, я просидел в вагоне больше часа, прежде чем мы тронулись. Мне кажется, чем дальше на восток, тем менее пунктуальны поезда. Что же тогда творится в Китае?

Весь день мы еле тащились по краю, где было разлито всяческое изобилие красот. Мелькали городки и замки на крутых холмах — точь-в-точь как на страницах старинных часословов. Бежали реки и ручьи, по широким каменистым берегам которых видно, что они часто и сильно разливаются. Чтобы смыть внешнюю кромку реки, нужно очень много быстротекущей воды. На каждой станции толпился народ, порой целые сборища, в самых разных одеждах. Иные были точь-в-точь как наши крестьяне или те, что попадались мне по дороге через Францию и Германию: короткие куртки, круглые шляпы, домотканые штаны. Другие же выглядели очень живописно. Женщины издали казались хорошенькими, но вблизи — ничего особенного, к тому же у всех бы-

ла очень тяжёлая талия. Рукава — пышные, белые, какие-то такие. У большинства — широкие пояса, от которых свисало множество ленточек, словно в балетных костюмах, но, разумеется, с юбками пониже. Самыми диковинными нам показались словаки: они выглядели совсем варварами. Огромные ковбойские шляпы, широкие мешковатые штаны грязно-белого цвета, белые полотняные рубахи, тяжеленные кожаные пояса чуть не в ладонь шириной, утыканные медными гвоздями. Сапоги высокие, штаны заправлены внутрь. Волосы длинные, чёрные; усы — густые, чёрные. Очень живописно, но внушения доверия не вызывают. На сцене их сразу приняли бы за какую-нибудь восточную разбойничью шайку. Впрочем, как мне сказали, они совершенно безобидны и даже не умеют за себя постоять.

Сумерки уже сгустились, когда мы добрались до Бистрица — прелюбопытнейшего старого места. Расположенный фактически на границе (Боргоский перевал ведёт отсюда прямо в Буковину), он пережил бурную историю, и следы её, бесспорно, заметны. Пятьдесят лет назад здесь случилась серия больших пожаров, пять раз в городе бушевал страшный огонь. А в самом начале семнадцатого века город выдержал трёхнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек — к обычным военным потерям прибавились голод и болезни.

Граф Дракула велел мне остановиться в гостинице «Золотая корона». К моей великой радости, она оказалась истинно старомодной — я ведь хотел увидеть всё, что возможно,

из местных обычаев. Меня, видимо, ждали, потому что, когда я подошёл к дверям, навстречу вышла приветливая пожилая женщина в обычной крестьянской одежде: белая нижняя рубаша, длинный двойной передник — спереди и сзади из цветной ткани, и сидело всё так плотно, что даже неприлично. Когда я приблизился, она поклонилась и спросила:

— Господин англичанин?

— Да, — ответил я. — Джонатан Харкер.

Она улыбнулась и что-то сказала пожилому мужчине в белой рубаше с засученными рукавами, который вышел за ней к дверям. Тот ушёл и тотчас вернулся с письмом:

«Друг мой! Добро пожаловать в Карпаты. Жду вас с нетерпением. Спите эту ночь спокойно. Завтра в три часа дилижанс отходит в Буковину; для вас сохранено место. На Боргоском перевале вас встретит моя карета и доставит ко мне. Уповаю, что путешествие из Лондона было благополучным и что вы насладитесь пребыванием в моей прекрасной стране.

Ваш друг,

Дракула».

4 мая. — Я обнаружил, что хозяин гостиницы тоже получил от графа письмо — граф велел ему занять для меня лучшее место в дилижансе. Однако когда я попытался расспросить его о подробностях, он стал уклончив и притворился, будто не понимает моего немецкого. Вряд ли это было правдой: до того он понимал всё прекрасно, по крайней мере отвечал на мои вопросы точно так, как если бы понимал.

Они с женой — той самой старушкой, что меня встречала, — переглянулись с испуганным видом. Он пробормотал, что деньги были присланы в письме, и это всё, что ему известно. Когда я спросил, знаком ли он с графом Дракулой и может ли что-нибудь рассказать о его замке, они оба перекрестились, заявили, что ничего не знают, и наотрез отказались продолжать разговор. Времени до отъезда почти не оставалось, расспрашивать кого-то ещё было некогда, а всё это казалось очень таинственным и отнюдь не успокаивало.

Перед самым моим уходом старая женщина поднялась ко мне в комнату и сказала почти в истерике:

— Неужели вы поедете? Ох, молодой господин, неужели поедете?

Она так разволновалась, что утратила остатки своего немецкого, всё перепутала с каким-то другим языком, которого я вообще не понимал. Мне удавалось следить за ней, только переспрашивая снова и снова. Когда я ответил, что должен ехать немедленно и что меня ждёт важное дело, она спросила снова:

— А вы знаете, какой сегодня день?

Я ответил, что сегодня четвёртое мая. Она покачала головой и повторила:

— Да, да! Я это знаю! Знаю, но понимаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил, что не понимаю, и тогда она продолжила:

— Сегодня канун дня святого Георгия. Или вы не знаете,

что сегодня, едва часы пробьют полночь, всякая нечисть на свете обретёт полную власть? Знаете ли вы, куда едете и зачем?

Она была так явно расстроена, что я попытался её успокоить, но тщетно. Наконец она упала на колени и умолила меня не ездить — или хотя бы отложить отъезд на день-другой. Всё это было очень нелепо, но мне стало не по себе. Однако дело есть дело, и я не мог позволить ничему мне помешать. Поэтому я попробовал поднять её и сказал как можно серьёзнее, что благодарю её, но долг обязывает — я должен ехать. Она встала, вытерла глаза, сняла с шеи распятие и протянула мне. Я не знал, что делать: как английский церковник, я привык считать такие вещи в какой-то мере идолопоклонством, но с другой стороны, отказать пожилой женщине, которая желала мне добра и была в таком состоянии, казалось просто неучтиво. Она, должно быть, заметила сомнение у меня на лице, потому что сама надела мне на шею чётки и сказала: «Ради вашей матери», — и вышла из комнаты. Я дописываю эту часть дневника, пока жду дилижанс — который, разумеется, опаздывает. Распятие всё ещё у меня на шее. Не знаю, то ли виной всему страх старухи, то ли здешние жуткие предания, то ли само распятие, но на душе у меня далеко не так спокойно, как обычно. Если эта тетрадь попадёт к Мине раньше, чем я сам, — пусть это будет моё прости. Вот и дилижанс!

5 мая. Замок. — Серость утра миновала, солнце стоит вы-

соко над далёким горизонтом, который кажется зубчатым — то ли от деревьев, то ли от холмов, не пойму, слишком далеко, там всё сливается. Спать не хочется, а будить меня будут только, когда проснусь, так что я пишу, пока сон не придёт. Много всякого надо записать, и чтобы читающий не подумал, будто я слишком плотно поужинал перед отъездом из Бистрица, распишу свой ужин точно. Я ел то, что они называют «разбойничьим бифштеком»: кусочки бекона, лука и говядины, приправленные красным перцем, нанизанные на палочки и жаренные на огне — в лучших традициях лондонской кошачьей снеди! Вино — «Медиаш золотистый», оно оставляет странное пощипывание на языке, но неприятного в этом ничего нет. Я выпил всего два бокала и больше ничего.

Когда я сидел в дилижанс, возницы ещё не было на месте — я увидел, что он разговаривает с хозяйкой. Говорили они, очевидно, обо мне: то и дело поглядывали в мою сторону. Кто-то из сидевших на лавке у дверей — её здесь называют словом, которое означает «носитель слов», — подходил, слушал, потом тоже смотрел на меня, и большинство — с жалостью. Я расслышал много повторявшихся странных слов — в толпе было множество народностей. Я потихоньку достал из сумки словарь-полиглот и перевёл их. Должен сказать, меня они не обрадовали. Среди них были: «ордог» — сатана, «покол» — ад, «стрегойка» — ведьма, «вролок» и «влкослак» — оба означают одно и то же (первое по-сло-

вацки, второе по-сербски), а именно — либо оборотня, либо вампира. (На память: непременно расспросить графа об этих суевериях.)

Когда мы тронулись, толпа у дверей гостиницы — к тому времени уже довольно большая — вся осенила себя крестным знамением и выставила в мою сторону два пальца. С большим трудом я уговорил одного попутчика объяснить, что это значит. Сперва он не хотел отвечать, но узнав, что я англичанин, пояснил: это оберег и защита от дурного глаза. Очень приятно, ничего не скажешь, — отправляться в неведомое место к неведомому человеку. Но все они казались такими добросердечными, такими опечаленными и полными сочувствия, что меня это не могло не тронуть. Век мне не забыть последний взгляд на гостиничный двор с его живописной толпой — все крестятся, стоя вокруг широкой арки, за которой в зелёных кадках, сгрудившихся посреди двора, пышно разрослись олеандры и апельсиновые деревья. А потом наш возница — широченные полотняные подштанники закрывали весь передок облучка, они называют их «гоца», — щёлкнул своим длинным кнутом над четвёркой маленьких лошадок, бежавших гуськом, и мы отправились в путь.

Вскоре красота вокруг заставила меня забыть и думать о ночных страхах. Хотя если бы я знал язык — вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, — возможно, отделаться от этих мыслей было бы не так легко. Перед нами лежала зелёная, пологая, поросшая лесом земля, кое-где

с крутыми холмами, на вершинах которых темнели рощицы или фермерские дома — глухой торцевой стеной к дороге. Повсюду — невообразимое изобилие цветущих фруктовых деревьев: яблони, сливы, груши, вишни. На ходу я видел под деревьями зелёную траву, усыпанную лепестками. Дорога вилась среди этих зелёных холмов — они зовутся здесь «Миттель-Ланд», — теряясь за травянистыми склонами или исчезая за растрёпанными концами сосновых боров, которые то тут, то там спускались по склонам гор, как языки пламени. Дорога была ухабистая, но мы, казалось, неслись по ней с лихорадочной поспешностью. Тогда я ещё не понимал причины, но возница, видимо, был полон решимости ни минуты не терять, чтобы добраться до Борго-Прунда. Мне сказали, что летом эта дорога превосходна, но после зимних снегов её ещё не привели в порядок. В этом она отличается от большинства карпатских дорог — там есть старая традиция не содержать их в слишком хорошем состоянии. В старину господари не ремонтировали дорог, чтобы турки не подумали, будто они готовятся ввести иностранные войска, и не ускорили тем самым войну, которая всегда висела на волоске.

За зелёными волнистыми холмами Миттель-Ланда поднимались могучие лесные склоны к высоким кручам самих Карпат. Они громоздились справа и слева от нас, и после-полуденное солнце падало на них в полную силу, высвечивая все великолепные краски этого прекрасного хребта: глу-

бокую синеву и лиловый цвет в тенях вершин, зелень и коричневый там, где мешались трава и камень, и бесконечную перспективу зубчатых скал и острых утёсов, пока они сами не терялись вдали, где величественно вздымались снежные пики. То тут, то там в горах виднелись могучие расселины, и когда солнце начало клониться к закату, мы время от времени замечали в них белые всполохи падающей воды. Один из моих спутников коснулся моей руки, когда мы огибали подножие холма и перед нами открылась высокая, покрытая снегом вершина горы, которая, по мере того как мы вились по нашей змеиной дороге, казалась прямо перед нами:

— Глядите! Иштен сек! — Божье седалище! — и он благоговейно перекрестился.

Пока мы вились по бесконечному пути и солнце опускалось всё ниже и ниже у нас за спиной, вечерние тени начали смыкаться вокруг. А на заснеженной вершине всё ещё держался закат, и она горела нежным, прохладным розовым светом. То тут, то там нам попадались секеи и словаки — все в живописных одеждах, но я заметил, что зоб здесь болезненно распространён. У дороги стояло множество крестов, и когда мы проносились мимо, мои спутники крестились. Кое-где на коленях перед часовой застыл крестьянин или крестьянка, которые даже не оборачивались на наше приближение — в своём самоотречении они, казалось, не имели ни глаз, ни ушей для внешнего мира. Много было для меня ново: например, стога сена на деревьях, а кое-где — очень кра-

сивые куртины плакучей берёзы, чьи белые стволы блестели серебром сквозь нежную зелень листвы. Нет-нет да и попадалась лейтер-ваген — обычная крестьянская телега — с длинным змеевидным хребтом, приспособленным под неровности дороги. На ней непременно сидела целая компания возвращавшихся домой крестьян: секеи в белых овчинах, словаки в цветных, последние несли в руках свои длинные палки с топориками на конце наподобие копий. К вечеру стало очень холодно, сгущавшиеся сумерки словно сливали в одну тёмную мглу мрачные пятна деревьев — дуба, бука и сосны, хотя в долинах, глубоко прорезавшихся между отрогами, по мере того как мы поднимались по перевалу, тёмные ели то там, то здесь выделялись на фоне залежавшегося снега. Иногда, когда дорога прорублена была сквозь сосновые леса, в темноте как бы надвигавшиеся на нас большие серые массы, кое-где усеявшие деревья, производили особенно жуткое и торжественное впечатление, которое питало мысли и мрачные фантазии, зародившиеся раньше, когда заходящее солнце странно выделяло призрачные облака, что над Карпатами, кажется, бесконечно вьются над долинами. Порой склоны были так круты, что, несмотря на всю поспешность возницы, лошади едва тащились. Мне хотелось выйти и пойти пешком, как мы делаем дома, но возница и слышать об этом не желал.

— Нет-нет, — сказал он. — Здесь нельзя ходить, собаки очень злые.

А потом добавил — и это, очевидно, должно было быть его мрачной шуткой, потому что он оглянулся, ловя одобрительную улыбку остальных:

— И до того, как вы уснёте, у вас будет достаточно поводов об этом пожалеть.

Останавливаться он позволял себе лишь на миг, чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, среди пассажиров, кажется, возникло какое-то возбуждение: они один за другим заговаривали с возницей, словно подгоняя его. Тот нещадно хлестал лошадей длинным кнутом, с дикими криками понукая их к новым усилиям. Впереди, в темноте, я различил некое серое пятно — словно в горах открывалась расселина. Возбуждение пассажиров росло. Грохочущий дилижанс раскачивался на огромных кожаных рессорах и мотался из стороны в сторону, как лодка в бурном море; мне пришлось вцепиться покрепче. Дорога стала ровнее, и мы, казалось, летели. Горы словно надвигались на нас с обеих сторон и нависали угрюмо — мы въезжали на Боргоский перевал. Один за другим несколько пассажиров стали предлагать мне подарки, всовывали в руки с такой настойчивостью, что отказаться было невозможно. Подарки эти были самого разного, подчас странного свойства, но каждый дарился с искренней верой, с добрым словом и благословением и с тем странным, полным страха жестом, который я уже видел перед гостиницей в Бистрице, — крестным знамением и защитой от дурного

глаза. А потом, пока мы летели вперёд, возница наклонился, и пассажиры, перегнувшись через края дилижанса, жадно вглядывались в темноту. Было очевидно, что происходит или должно произойти нечто очень волнующее, но сколько я ни приставал к попутчикам, никто не дал мне ни малейшего объяснения. Это возбуждение длилось ещё некоторое время, и наконец мы увидели перед собой: перевал открывался с восточной стороны. Над головой клубились тёмные тучи, в воздухе чувствовалось тяжёлое, гнетущее предгрозье. Казалось, горный хребет разделял собой две атмосферы и теперь мы попали в грозовую. Я сам уже вглядывался, высматривая экипаж, который должен был отвезти меня к графу. Ежеминутно я ждал, что вот-вот во тьме блеснут огни фонарей, — но всюду было черно. Только мерцание наших собственных фонарей да белое облако пара от загнанных лошадей. Теперь мы могли видеть лежащую перед нами песчаную дорогу — белую полосу, но на ней не было никаких следов экипажа. Пассажиры откинулись назад со вздохом облегчения, и этот вздох, казалось, насмеялся над моим разочарованием. Я уже раздумывал, как мне лучше поступить, когда возница взглянул на часы и сказал остальным что-то — я едва расслышал, так тихо и низко он говорил; мне послышалось: «На час меньше, чем следовало». Затем он обернулся ко мне и сказал по-немецки, но ещё хуже, чем говорил я:

— Кареты здесь нет. Господина, выходит, не ждали. Теперь придётся ехать в Буковину, а вернётесь завтра или по-

слезавтра. Лучше послезавтра.

Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и бешено биться, так что вознице пришлось их удерживать. И тут, под общий вопль крестьян и их всеобщее крестное знамение, из-за нас вынырнула коляска, запряжённая четвёркой лошадей, обогнала нас и поравнялась с дилижансом. При свете наших фонарей я увидел, что кони — угольно-чёрные, великолепные животные. Правил ими высокий человек с длинной коричневой бородой и большой чёрной шляпой, которая, казалось, скрывала его лицо от нас. Я видел только блеск очень ярких глаз — они казались красными в свете фонарей, когда он повернулся к нам. Он сказал вознице:

— Ты сегодня рано, друг мой.

Тот ответил запинаясь:

— Английский господин торопился.

Незнакомец возразил:

— Вот почему, надо полагать, ты хотел отправить его дальше, в Буковину. Ты меня не обманешь, друг мой, я слишком много знаю, да и кони у меня быстрые.

Говоря это, он улыбнулся, и свет фонаря упал на жёсткий рот с очень красными губами и острыми зубами — белыми, как слоновая кость. Один из моих спутников прошептал другому строку из «Леноры» Бюргера:

«Denn die Todten reiten schnell» — («Ибо мёртвые скачут быстро»).

Странный возница, очевидно, услышал эти слова, потому

что поднял голову с сияющей улыбкой. Пассажир отвернулся, одновременно выставив два пальца и перекрестившись.

— Дайте мне багаж господина, — сказал возница.

С необычайной поспешностью мои сумки были переданы и водружены в коляску. Затем я спустился с подножки дилижанса — коляска стояла вплотную, — возница помог мне рукой, вцепившись в мою руку стальной хваткой; сила в нём, должно быть, была невероятная. Не говоря ни слова, он натянул вожжи, лошади развернулись, и мы понеслись в темноту перевала. Оглянувшись, я увидел пар от лошадей дилижанса в свете фонарей, а на его фоне — фигуры моих недавних спутников, осенявших себя крестом. Потом возница щёлкнул кнутом, крикнул лошадям, и они унеслись по дороге в Буковину. Когда они исчезли в темноте, меня пробрал странный холод, накатило чувство одиночества. Но тут мне на плечи набросили плащ, на колени положили плед, и возница сказал на прекрасном немецком:

— Ночь холодная, герр, и мой господин граф велел мне всячески заботиться о вас. Под сиденьем есть фляжка сливовицы — здешней сливовой водки, — если пожелаете.

Я не стал пить, но всё равно приятно было знать, что она там. На душе у меня было странно и отнюдь не спокойно. Думаю, будь у меня выбор, я бы отказался от этого ночного путешествия в неизвестность. Коляска неслась вперёд, потом круто повернула и покатила по другой прямой дороге. Мне показалось, что мы просто кружим по одному и тому же

месту; я присмотрелся к одной приметной точке и убедился, что так оно и есть. Мне хотелось спросить у возницы, что всё это значит, но мне действительно было страшно спрашивать: я подумал, что в моём положении любые возражения не возымеют действия, если тут задумано задерживать меня. Однако, поскольку мне было любопытно, сколько времени прошло, я чиркнул спичкой и при её свете взглянул на часы: было без нескольких минут двенадцать. Меня словно током ударило — видимо, общее суеверие насчёт полуночи усилилось от моих недавних переживаний. Я замер в тоскливом ожидании.

И тут где-то вдалеке, в придорожной усадьбе, завыла собака — долгий, мучительный вой, будто от страха. Этот звук подхватила другая собака, потом ещё и ещё, пока на ветру, который теперь мягко вздыхал над перевалом, не начался дикий вой, который, казалось, разносился по всей округе, насколько можно было охватить воображением в ночном мраке. При первом же вое лошади напряглись и взвились на дыбы, но возница заговорил с ними ласково, они успокоились, однако дрожали и покрылись потом, словно после внезапного испуга. А потом вдалеке, в горах по обе стороны от нас, начался вой громче и резче — волчий, и подействовал он и на лошадей, и на меня одинаково: я уже собрался выпрыгнуть из коляски и бежать, а они снова взвились и заметались в безумном страхе, так что вознице пришлось напрячь всю свою силу, чтобы удержать их. Однако через несколько ми-

нут мои уши привыкли к этому звуку, а лошади настолько успокоились, что возница смог слезть и встать перед ними. Он погладил их, успокоил и что-то прошептал им в уши — я слышал, что так делают объездчики, и это возымело необычайный эффект: от его ласк они снова стали послушными, хотя всё ещё дрожали. Возница снова уселся на место, тряхнул вожжами и погнал лошадей крупной рысью. На этот раз, доехав до дальнего края перевала, он вдруг свернул на узкую дорогу, круто уходящую вправо.

Вскоре нас зажали деревья — местами они смыкались над дорогой аркой, и мы проезжали словно туннелем. А ещё по бокам грозно стояли огромные угрюмые скалы. Хотя мы ехали в укрытии, слышно было, как ветер крепчает: он завывал и свистел среди камней, и ветки деревьев с треском ударялись друг о друга, пока мы мчались мимо. Становилось всё холоднее и холоднее, пошёл мелкий, как мука, снег, и скоро нас и всё вокруг покрыло белым одеялом. Пронзительный ветер всё ещё доносил собачий вой, хотя по мере движения он слабел. Волчий вой звучал всё ближе и ближе, словно они смыкали вокруг нас кольцо со всех сторон. Мной овладел ужас, и лошади разделяли мой страх. Возница, однако, ничуть не тревожился; он то и дело поворачивал голову то влево, то вправо, но в темноте я ничего не мог разглядеть.

Внезапно, слева от нас, я увидел слабое мерцающее синее пламя. Возница заметил его в тот же миг; он сразу осадил лошадей, спрыгнул на землю и исчез во тьме. Я не знал,

что делать — тем более что волчий вой приближался; но пока я раздумывал, возница неожиданно появился снова, молча сел на место, и мы продолжили путь. Кажется, я заснул и всё время видел это во сне — потому что оно повторялось бесконечно, и теперь, оглядываясь назад, я понимаю: это был какой-то жуткий кошмар. Один раз пламя вспыхнуло так близко к дороге, что даже в окружающей нас темноте я мог наблюдать за движениями возницы. Он быстро пошёл туда, где поднималось синее пламя — оно было, должно быть, очень слабым, потому что совсем не освещало окрестности, — собрал несколько камней и сложил из них какую-то фигуру. Однажды возник странный оптический эффект: когда он встал между мной и пламенем, он не заслонил его — я всё равно видел его призрачное мерцание. Меня это поразило, но так как эффект длился всего мгновение, я решил, что у меня просто обманулось зрение, когда я вглядывался в темноту. Потом некоторое время синих огней не было, и мы неслись во мраке, а вокруг выли волки — казалось, они следуют за нами в движущемся круге.

Наконец настал момент, когда возница ушёл дальше, чем прежде, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и ржать от ужаса. Я не видел причины — волчий вой к тому времени совсем прекратился, — но как раз тогда луна, плывя по чёрным тучам, показалась за зубчатым гребнем нависшей, поросшей соснами скалы, и при её свете я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами

и высунутыми красными языками, с длинными жилистыми лапами и косматой шерстью. Они были в сотни раз страшнее в своём зловещем молчании, чем даже когда выли. Что до меня — меня словно парализовало от ужаса. Только когда человек оказывается лицом к лицу с таким кошмаром, он понимает его истинный смысл.

И вдруг волки завывали — будто лунный свет подействовал на них особенным образом. Лошади заметались, взвились на дыбы, беспомощно озирались вокруг с закатившимися глазами — больно было смотреть; но живое кольцо ужаса смыкалось вокруг них со всех сторон, и им поневоле приходилось оставаться внутри. Я закричал, чтобы кучер шёл сюда, — мне казалось, что единственный наш шанс — прорвать кольцо, и я хотел помочь ему приблизиться. Я кричал и колотил по стенке коляски в надежде шумом отогнать волков с той стороны и дать ему возможность добраться до повозки. Как он оказался здесь — не знаю, но я услышал его голос, властный, повелительный, и, повернув на звук, увидел: он стоит на дороге. Он широко развёл руками, словно раздвигая невидимое препятствие, и волки отступали, отступали всё дальше. В тот же миг тяжёлая туча заслонила луну, и мы снова погрузились во тьму.

Когда я снова смог разглядеть что-то, возница уже забирался в коляску, а волки исчезли. Всё это было так странно и жутко, что на меня напал ужас, я боялся говорить и пошевелиться. Время тянулось бесконечно, пока мы неслись в по-

чти полной темноте — клубящиеся тучи скрывали луну. Мы всё поднимались, изредка ненадолго спускаясь, но в основном всё время вверх. Внезапно я осознал, что возница останавливает лошадей во дворе огромного разрушенного замка. Из его высоких чёрных окон не пробивалось ни луча света, а зубчатые стены зубчатой же линией чернели на фоне залитого луной неба.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.